

ГЛАВА 1

Морозная ночь, свистящая вьюга, залитое электрическим светом пространство между бетонным забором с «егозой» и противопобеговым ограждением в густых зарослях колючей проволоки. Казалось бы, охрана периметра — дело не сложное: стой на закрытой караульной вышке, посматривай по сторонам. Но, увы, не все так просто. Под порывами ветра вышка качалась, гнусно скрипела, пугая и порождая сосущий холодок в животе. Обогреватель работал на полную мощность, люк в полу накрыт старым матрасом, под тулупом вязаный свитер, ватные штаны, валенки, а все равно холодно. Еще и обзор неважный: окошки заиндевели от мороза, белые мухи кружат в снежной карусели. И еще уныние в душе часового...

Прапорщику Рябкову больше нравилось нести службу в тепле тюремного прохода, но случился конфуз — постовой инспектор из его смены продал заключенным четыре бутылки водки. И кто-то стукнул в оперчасть. А новый начальник церемониться не стал — сначала было назначено служебное расследование, затем последовали оргвыводы. Виновника происшествия уволили, а смену сослали на охрану открытого всем ветрам и морозам периметра. Стой по февральскому холоду на качающейся вышке, смотри, как бы кто из

уголовников не сбежал. А более везучие за тем же периметром наблюдают из теплой дежурки, глазами видеокамер наружного слежения. Они сейчас везде, вся территория следственного изолятора вдоль и поперек просматривается. И датчики обнаружения по всему периметру — муха незаметно не пролетит. И зачем, спрашивается, нужны часовые на вышках? Анахронизм...

Расстроенный Рябков не сразу заметил человека, бегущего от мастерских к первой линии проволочного ограждения. Бежал он неспешно, плавно, без рывков и скачков. Контуры фигуры размытые, само тело светится изнутри синим мертвенным светом. Как будто фантом какой-то, призрак...

Но прапорщик Рябков точно знал, что это человек из живой плоти. А свечение и размытость — это иллюзия, которую создает вьюга в ярком, мертвенном свете прожекторов... Только непонятно, почему датчики не срабатывают, почему нет сигнала тревоги. И постовые собаки на беглеца никак не реагируют — не слышать взрывного суматошного лая.

А человек продолжает неторопливо бежать. Вот он врезается в проволочное ограждение, с невероятной легкостью проходит сквозь него. Фантастически как-то паря, движется по запретке. До забора совсем чуть-чуть... Но ему не уйти. Прапорщик Рябков стреляет неплохо, окно уже открыто, автомат готов к бою.

На предупредительный окрик беглец не отреагировал. Дробный оглушительный стук автоматной очереди, страшные в своей убийственной силе трассеры впииваются в цель. Но человек не падает, он попросту исчезает. Как будто в воздухе растворился...

«С Новым годом, с новым счастьем...» Почти два месяца прошли с начала нового года, но не нашел Андрей счастья в личной жизни. Видимо, потому что не искал его. Нет у него любимой девушки, есть только случайные подружки. Зато новый год принес ему прибавку к зарплате — как за должность, так и за звание. В январе занял должность начальника оперчасти, а в феврале приказом сверху заменили четыре звездочки на погонах на одну — майорскую. Звание присвоили досрочно, но, как сказал начальник следственного изолятора, в точном соответствии с реальными заслугами. И если бы только это... Квартиру ему дали. Хоть и однокомнатную, служебную, зато в новом доме и еще, что важно, недалеко от работы.

Старая «девятка» окончательно застряла в графе «вечный ремонт», на службу в тюрьму приходилось добираться посредством самого древнего вида транспорта — на пешемobile. Но что такое семь-восемь минут ходьбы для молодого майора? Приятный бодрящий мoцион, зарядка на весь рабочий день.

Новенькая офицерская шапка, оливкового цвета шинель с двубортным запахом, брюки наглажены до лезвенной остроты, до блеска начищенные ботинки. Легкая пружинистая походка уверенного в себе человека, военная выправка... И, главное, майорские погоны на плечах. Заместитель начальника следственного изолятора по оперативной работе следовал на службу. Утро холодное, смурное, зато настроение отличное.

Чтобы сократить путь, Андрей свернул в переулок. Ровно через две минуты он выйдет к зданию тюрьмы.

— Товарищ майор! — окликнули его сзади.

Сизов невольно вздрогнул. Не от страха — от не-

ожиданности. Обычно он старался контролировать обстановку вокруг, и сейчас, сворачивая в переулок, он незаметно глянул назад. Никого не было. Но не прошло и минуты, как со стороны спины появился человек с грубым и густым мужским голосом.

Это был высокий, лет тридцати пяти мужчина в дорогой черной куртке из стриженной норки и в кепке из того же меха. Черные волосы, длинные узкие брови, поднимающиеся к середине широкого лба, глазные впадины большие, но сами глаза маленькие, неприятного водянисто-голубого цвета. Тонкая перегородка чуть-чуть искривленного носа с крупными ноздрями. На нитевидных губах благодушная улыбка, а в глазах беспокойно-тревожное ожидание.

— И что дальше? — настороженно спросил Сизов.

Сознание оставалось в напряжении, а мышцы тела он расслабил. В раскрепощенном состоянии легче отразить удар.

— Разговор есть, товарищ майор, — еще шире улыбнулся мужчина.

Андрей всматривался в незнакомца. Взгляд у него закрытый, белые зубы. Черты лица суровые, а кожа свежая, здорового цвета, ухоженная. Едва уловимый запах дорогого мужского парфюма. Лицо выбрито до синевы, мелкий порез от бритвы заклеен, но не газетой, а специальным пластырем под цвет кожи... Нет, на уголовника он не похож.

— Пожалуйста.

Андрей протянул ему свою визитку.

— Сегодня запишитесь на прием, а завтра ко мне в кабинет, с пятнадцати до семнадцати...

— Ну зачем же так официально? — улыбнулся мужчина. — В кабинете по душам не поговоришь. А разго-

вор сугубо конфиденциальный... Нас интересует подследственный Горбушин Василий Власович.

Сизов молча пожал плечами. Нет ему дела до интересов незнакомца.

— Хотелось бы видеть его в отдельной камере, без уголовных соседей, в спокойствии и безопасности.

— Чтобы вам его там увидеть, надо сначала в изолятор попасть, — усмехнулся Андрей.

— Мне там делать нечего. А Василий Власович уже там. И ему нужно создать условия. Вы могли бы посодействовать. Вознаграждение — двадцать пять тысяч в европейской валюте. Согласитесь, это не так уж и мало. За такую сумму и побег можно организовать...

— Вы еще в изолятор не попали, а уже о побеге думаете. Побег не обещаю, а одну камеру с вашим Василием Власовичем организую.

— Вы не понимаете, — нахмурился мужчина.

— Я все понимаю. Вы предлагаете взятку должностному лицу.

— Это не взятка, это вознаграждение... Двадцать пять тысяч евро. Вы пешком ходите, а могли бы ездить на новенькой иномарке. Не так уж много мы от вас требуем — всего-то создать условия...

— Нет.

— На вашем бы месте я хорошо подумал.

— Нет.

— Напрасно.

Андрей повернулся к просителю спиной. Еще не совсем рассвело, недалеко светил фонарь — незнакомец отбрасывал смутную тень. На эту тень и покосился Сизов, делая шаг вперед; если вдруг мужчина попытается ударить его в спину, он успеет уклониться.

Но незнакомец не напал. Андрей прошел метров

тридцать-сорок, обернулся. Мужчина стоял на том же месте, в руке у него дымилась сигарета.

Еще на контрольно-пропускном пункте Сизов получил информацию о происшествиях за ночь. Стрельба в карауле и смерть заключенного в общей камере. Доложил ему об этом дежурный помощник начальника изолятора.

Саша Лыпарев как был, так и оставался старшим оперуполномоченным, и в звании его не повысили, хотя должность позволяла. Но это парня мало волновало. Он служил по принципу «солдат спит — служба идет». Его интересовала не карьера, а выслуга лет. Одиннадцать лет он отслужил в рядах Вооруженных сил, почти шесть в следственном изоляторе, где месяц шел за полтора. Тридцать четыре года парню, и летом этого года его стаж составит двадцать лет, что даст ему право на военную пенсию. Саша не скрывал, что на этом его служба закончится. А начальник изолятора, в свою очередь, не скрывал, что не особо жалуется такого подчиненного. Именно поэтому, после того как майор Каракулев ушел на повышение, исполнять его обязанности назначили не Лыпарева, а Сизова. Его же и утвердили в этой должности, представили к очередному званию. А Сашу прокатали.

— Рябкова переклинило, — флегматично улыбнулся Лыпарев. — Человек, говорит, бежал. А не было никого. Ни один датчик не сработал. Да и не мог он через полосу перескочить...

— Может, померещилось? — вслух подумал Андрей.

— Может, и так, — равнодушно пожал плечами Саша. — Но на это одиннадцать патронов не спишешь.

— Разберемся. С трупом что?

— Утром просыпается, а голова в тумбочке.

— Я серьезно, — нахмурился Сизов. Не в том он был сейчас настроении, чтобы шутить.

— Ну, голова на месте. И не проснулся... Утром подъем, а он лежит. Трясти стали, а он готовенький...

— Фамилия, номер камеры?

— Горбушин. Двести четырнадцатая.

Знакомая фамилия резанула слух.

— Горбушин?! — озадаченно протянул Андрей. — Час от часу не легче.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Все в полном порядке. Труп у нас, а в целом — лучше не бывает.

— Но я-то здесь ни при чем. Он же своей смертью помер. Фельдшер сказал, что сердечный приступ...

— Отчего сердечный приступ? Может, замордовали мужика?..

— А это не ко мне. Не моя это камера. Первухин ее ведет...

Начальник следственного изолятора задерживался. И это позволяло Сизову досконально разобраться в ситуации до совещания. Первым делом он наведалься в тюремную санчасть, где в холодной комнате лежало тело покойного Горбушина.

Это был мужчина лет сорока пяти. Высокий, худощавый. Короткая стрижка, посеребренные сединой виски, широкий выпуклый лоб, глубокие морщины от носа к уголкам узкого рта. Он лежал с закрытыми глазами. Выражение лица настолько безмятежное, что казалось, он спит. Похоже, во сне и умер. Своей смертью... А может, и нет...

Затем был разговор со старшим лейтенантом Первухиным, в чьем оперативном ведении была двести четырнадцатая камера.

Валере Первухину было тридцать лет, столько же,

сколько и Сизову. Не самый оптимальный возраст для старшего лейтенанта. Но служил в тюрьме он девять лет, пять из них контролером режимной части в звании прапорщика, затем заочно окончил юридический институт, был произведен в чин лейтенанта и переведен в отдел кадров. Но что-то там у него не сложилось, и последние полтора года он служил в оперчасти под началом майора Каракулева, а затем и Сизова. По службе характеризовался неплохо. Но и упущений хватало. Впрочем, кто не без греха?

Первухин дышал тяжело, как будто только что пробежал стометровку. На пухлых щеках не совсем здоровый румянец, на лбу и обширных залысинах — испарина. Среднего роста, полный, с пузом.

Валера сел на стул без приглашения, положил на стол папку с личным делом Горбушина, достал из кармана платок, стер испарину.

— Чего такой запыханный? — с насмешкой начальственной спросил Сизов.

— Так в камере был. В двести четырнадцатой.

— Это же рядом. Спортом, Валера, заниматься надо. Так и до инфаркта недалеко.

— Да ладно, скажешь тоже.

— Ты талию измерять пробовал? Если девяносто четыре, то ты уже в зоне риска.

— У Горбушина шестьдесят, поди, было. Как у модели. Ну и где он сейчас?

— Вот и я о том же... Как думаешь, своей смертью мужик умер?

— Это пусть врачи думают, историю болезни поднимают... А в двести четырнадцатой все спокойно было, никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Сизов взял дело, пролистал, но ничего сверхъестественного про Горбушина там не нашел. Обычный

главный инженер райводоканала. Погорел на взятке, доказательств хватало, но следствие тянулось уже третий месяц. Настораживало только одно обстоятельство. Суд уже два раза отклонял ходатайство об изменении меры пресечения, хотя Горбушина спокойно можно было бы выпустить из-под стражи под подписку о невыезде. Но, видно, кому-то не тому он воду перекрыл... Впрочем, были у него и заступники.

Горбушину было сорок четыре года, в таком возрасте у многих мужчин проблемы с сердцем. И Андрей бы не стал вникать в обстоятельства его смерти, если бы не сегодняшний незнакомец и не двадцать пять тысяч евро, которые он предложил за содействие.

— За двести четырнадцатой кто у нас смотрит? — спросил он. — Бархан, кажется?

— Он, — кивнул Первухин.

Бархан был уголовником с двадцатилетним стажем. Ратовал за святость и нерушимость воровских идей, в то время как сам был клиническим идиотом — в полном смысле этого слова. Учился когда-то в школе для слабоумных, читал по слогам, говорил невнятно, шепелявил. Видимо, поэтому, несмотря на свою воровскую сознательность и природную хитрость, высоко взлететь не смог. И то, что его поставили смотреть за камерой, было для него достижением.

Возможно, Горбушин умер своей смертью. Но Андрей не исключал, что смерть мог спровоцировать Бархан или кто-то из его окружения. Он знал матерых уголовников, которые могут остановить чужое сердце одним точным ударом в грудь...

— У Горбушина был конфликт с Барханом? — спросил Сизов.

— Да вроде бы нет... Да, Горбушин в карты с блат-

ными играл, — вспомнил Первухин. — Точно не скажу, по своей воле или заставили...

— Когда играл?

— Ну, недели три назад. Может, в долги вляпался.

— За долги спрашивают, когда отдавать нечем. А Горбушин человек не самый бедный. Если взятки брал.

— Не бедный... Да и не было никаких прогонов, ну в смысле почты, не просил Горбушин денег, чтобы долг отдать... Были бы прогоны по этой теме, я бы знал. За три недели точно что-нибудь бы узнал... Нет, не было движений вокруг Горбушина, — решительно мотнул головой старлей. — И вообще, я бы знал, если б над ним измывались, а то как все жил, ничем не выделялся...

— Не измывались, говоришь. А меня сегодня на гоп-стоп чуть не взяли.

— Чего? — вытаращился на Сизова Первухин.

— Он подошел из-за угла... Гоп-стопа не было, но разговор состоялся. Насчет Горбушина. Просили его в одиночную камеру перевести, двадцать пять тысяч евро за содействие предлагали.

— Да нет, много слишком.

— Но ведь предлагали. А почему предлагали? Потому что проблемы у Горбушина начались. На воле о них знали, а мы — нет.

— А кто предлагал?

— Да человек один, он не представился... Ладно, будем работать. Если мокрое в двести четырнадцатой было, рано или поздно узнаем. А пока будем ждать заключения врачей...

Андрей выпроводил Первухина из кабинета, а сам отправился в караульное помещение.

Рябков выглядел подавленным. На Сизова посмотрел глазами побитой собаки.

— И вы думаете, что мне померещилось? — тяжело вздохнул он, ломая в руках шапку.

— Пока ничего не думаю. Сначала ты мне расскажи, а потом я думать буду.

— Да что рассказывать... Был человек. Был!

— Но как он первую линию пересек?

— Так и пересек... Не человек это был...

— Тебя не поймешь. То человек был, то не человек.

— Ну, не совсем человек. Его информационно-энергетическая оболочка.

Глаза Рябкова лихорадочно заблестели, губы сложились в тонкую прямую линию.

— Какая оболочка? Что ты несешь?

— Такая оболочка. Привидение это было!

— Привидение?!

— Да, привидение... А что, существование призраков и привидений — давно уже доказанный наукой факт.

— Какой наукой? Эзотерической?

— Ну, не важно... Думаете, я идиот, да? Был бы идиотом, в объяснении бы написал, что привидение видел. Но я же не псих. Я знаю, что мне никто не поверит...

— А я, значит, поверю?

— Ну, вы же начальник оперчасти. Вы должны во все вникать.

— Все — понятие растяжимое.

— Такое же растяжимое, как время, — парировал Рябков. — Вы уже давно здесь, должны знать, что в двадцатых годах здесь людей пачками расстреливали.

— Ну, не пачками. И не только в двадцатых...

— Но ведь было! И в двадцатых, и в тридцатых. В подвалах расстреливали. Сколько там сейчас неупокоенных душ, а?

— Особый блок в подвале. Склады...

— Это на первом ярусе. А ниже?.. Не знаю, слышали вы или нет, но если призрак наверх вышел, не к добру это... Мне старший прапорщик Киселев рассказывал. В восемьдесят седьмом здесь привидение видели. А на следующий день труп. Через неделю снова привидение. И снова труп...

— Байки все это.

— Байки? А говорят, сегодня труп в двести четырнадцатой нашли...

— Совпадение.

— Совпадение? — одержимо возликовал Рябков. — Значит, все-таки верите, что привидение было!

— Я верю в то, что вы, товарищ прапорщик, необоснованно открыли огонь. В результате чего был поврежден, а если точнее, уничтожен датчик движения «Ежевика»...

Рябков удрученно свесил голову на грудь. Вяло и заучено пробубнил:

— Виноват. Дурак. Исправлюсь.

Привидения Сизова не интересовали, а морально-психологическим состоянием Рябкова должны заниматься компетентные специалисты. Поэтому разговор был закончен.

ГЛАВА 2

Воскресенье, вторая половина дня. Нормальные люди отдыхают, а майор Сизов только-только вернулся со службы. Никто не понуждал его к внеурочной работе — сам себе не давал покоя. И вовсе не потому, что трудоголик, просто делать нечего. Зима, холода, девушки в тулупах, и на любовные подвиги особо не тянет. Старость, как говорится, не радость...

Первым делом он принял душ. Привычка: пришел

со службы — смой тюремную пыль и негативную энергетику. И перекусить бы не мешало. Кухня в квартире просторная, гарнитур из самых дешевых, но смотрится вполне сносно. Холодильник далеко не самый большой, но есть в нем ветчина и яйца. Можно приготовить омлет. А там в тишине и спокойствии полежать на диване перед телевизором.

Сизов снимал шкворчащую сковородку с плиты, когда в дверь позвонили. Никто из родных и знакомых прийти не обещал, а незваных гостей он не очень жаловал.

Но хмурое лицо его вмиг просветлело, когда, открыв дверь, он увидел незнакомую прелестную девушку лет двадцати. Яркая белозубая улыбка, светлый взгляд больших карих глаз, озорной румянец на нежных щечках. Высокая, стройная, вьющиеся волосы пепельного цвета. Само обаяние и обольщение. Андрей смотрел на нее с открытым ртом, не в состоянии что-либо сказать. И она какое-то время молча смотрела на него, продолжая улыбаться. Но ее радость адресована была кому-то другому, не ему.

— А ты, наверное, Гена? — спросила она.

Голос глубокий, звонкий и завораживающий.

— Нет, — ошеломленно мотнул головой Андрей.

— А Гена где?

— Нет здесь Гены.

— А он мне и не нужен. Я к Сергею приехала.

— И Сергея здесь нет.

— Как это нет?

Возмущение согнало улыбку с ее лица. Но волнующая красота продолжала пленять.

— И не было никогда. Это моя квартира...

— Может, я адресом ошиблась?

— Улица Мира, дом номер восемнадцать, квартира восемь?

— Правильно... А город — Рубеж?

— Рубеж. Другого здесь и быть не может...

— Тогда и Сергей должен быть здесь, — бледнея, сказала девушка.

— Боюсь, что вы ошиблись.

— Боюсь, что нет...

Она покачнулась, рефлекторно оперлась рукой о стену, чтобы не упасть.

— Он меня обманул...

— Кто — он? — спросил Андрей.

Но она отрешенно и вяло отмахнулась от него. Медленно и неуверенно повернулась к нему спиной, шатко шагнула к лестнице. На улице мороз, а на ней тонкое невзрачное пальтишко, и голова не покрыта. И, видимо, девушка не местная.

— Постой! — окликнул ее Сизов. — Хоть чаю на дороге попей.

— Чаю? — остановившись, спросила она. Обернулась к Андрею, вымученно улыбнулась. — Тогда лучше кофе.

— Прошу!

Переступив порог, она застыла, словно в раздумье: идти дальше или не идти. С какой-то обреченностью повела рукой и сделала шаг вперед. Как будто ей нечего было терять.

— Да ты не бойся, я не обижу, — заверил ее Андрей.

— Все так говорят...

В прихожей она остановилась, прислушиваясь.

— Ты чего такая пугливая?

— Ты один?

— Уже нет. С тобой нас двое.

— Лучше я пойду...

— А запах чувствуешь? — подзадоривая, улыбнулся ей Сизов. — Омлет с ветчиной. Только что с пылу-жару...

— Омлет? Пахнет вкусно. — Сглатывая слюну, девушка глянула в сторону кухни.

— Там как раз на двоих.

— Ты меня дразнишь.

— Нет, я тебя угощаю.

Он мягко коснулся ее плеча, призывая снять пальто. Она послушалась. Осталась в кофточке нежного персикового цвета, в короткой черной юбке. Нагнулась, чтобы снять ботфорты на тонком высоком каблуке.

Андрей не был большим знатоком женской моды, но мог отличить дорогую обувь от дешевой. И от него не ускользнуло, что ее сапоги стоят гораздо больших денег, чем пальто.

— Это совсем не обязательно, — сказал он, осторожно поглядывая на ее спину, заметно сужающуюся книзу.

Красивая у нее спина, талия тонкая...

— Как скажешь, — она разогнулась, тряхнув мокрыми после снега волосами.

— У тебя фен есть? — уже на кухне спросила девушка.

— Нет. Не пользуюсь. Стрижка у меня, как видишь, короткая.

— А что, в этом доме не водятся женщины? — Она с интересом смотрела на Андрея.

— Нет. Жены нет. Сестры нет. Мама живет отдельно.

— Ты не говоришь, ты рапортуешь, — отгаивая, улыбнулась девушка. — Прямо как мой папа... Он у меня тоже военный. Был.

— Что значит — был?

— Умер. Уволился со службы, загрустил и умер. Ничем никогда не болел. Но сгорел за два года...

— Бывает, — со знанием дела кивнул Андрей.

Он и сам знал несколько случаев, когда вышедшие на пенсию офицеры умирали от тоски по службе. Жить бы да радоваться, а нет...

— Да, кстати, меня Олеся зовут... Если тебе интересно.

— Интересно. Очень. А я — Андрей.

— И где твой обещанный омлет с ветчиной? — уже совсем раскрепостившись, улыбнулась девушка.

Ела она с аппетитом, но медленно, изящно управляясь ножом и вилкой. Андрей посматривал на ее руки — кожа нежная, полупрозрачная, пальцы длинные, наращенные ногти покрашены под цвет губ.

Кофе он приготовил в чайных чашках. Обычный растворимый «Нескафе» залил кипятком, сыпанул на блюдце рафинадных кубиков, вскрыл и поставил на стол банку со сгущенным молоком. На выбор — чем хочешь, тем и подслащай. Нехитрая процедура.

— А ты кофе не варишь? — как бы между прочим спросила Олеся.

— Увы. И кофейных чашек нет. Еще не обзавелся.

— И не обзаведешься. Пока не... — Олеся замолчала, не договорив.

И Сизов не стал настаивать на продолжении.

— Холостяцкая у тебя квартира, — отпив глоток, сказала девушка. — Но уютно.

— Это потому что здесь тепло. А на улице холодно.

— Холодно, — расстроено кивнула она. — Очень.

— А ты сама откуда?

— Оттуда, — кивнула Олеся в сторону Москвы. Немного подумав, добавила: — А если точнее, с Украины. Из Донецка.

— Почти Россия.

— Почти — не считается, — невесело усмехнулась

она. — Поэтому в Москве мы все равны. Что украинцы, что таджики — все одно... Только ты не подумай ничего.

— А что я могу думать?

— Ну сложился же стереотип, что если с Украины, значит, проститутка...

— Не знаю.

— Да ладно, не знаешь... Не проститутка я...

— Я тебя ни о чем не спрашиваю.

— Ладно, не спрашиваешь. Взгляд у тебя цепкий, как у мента... Ой, а может, ты из милиции? — спохватившись, Олеся смягчила тон.

— Почти.

— И у тебя «почти»?

— Да, но в моем случае оно считается. В следственном изоляторе я служу, начальник оперативной части.

— Следственный изолятор? — задумалась она. — Это тюрьма, что ли?

— Что ли.

— Упс-с!

— Каждому свое.

— Да я ничего. Тюрьма — это даже интересно.

— Ничего там интересного нет.

— Зачем же ты тогда там служишь?

— Я слышал про службу по призванию, но не слышал про службу по интересам...

— У тебя призвание?

— Не уверен. Но мне нравится.

— Квартира твоя?

— Моя. Бонусы по службе.

— А-а... Неплохие бонусы... Однокомнатная?

— Был бы женат и с ребенком, дали бы двухкомнатную. С двумя детьми — трех...

— Так почему не женишься?

— Да так, — неопределенно пожал плечами Анд-

рей. Рука невольно потянулась к пачке сигарет. — Я закурю, ничего?

— У себя дома, еще и спрашиваешь, — удивленно глянула на собеседника Олеся.

Он ожидал, что она закурит вместе с ним. Но нет, даже взглядом не выдала своего пристрастия к табаку. По всей видимости, за отсутствием такового.

— Мне, наверное, уже пора, — сказала девушка, допив кофе.

— В твоём «наверное» звучит сомнение, — заметил Андрей.

— Холодно.

Ей удалось одним словом выразить состояние своей души. Вроде бы пора и честь знать, но на улице непогода. А в доме так тепло...

— В Москву как возвращаться будешь, на электричке или на автобусе? — спросил Сизов, чтобы заполнить паузу. — Или такси возьмешь?

— А ты что, меня уже гонишь? — с легкой иронией спросила девушка.

— Да нет, — замялся Андрей. — Но ты же сама сказала, что пора...

— Пора, — кивнула Олеся, решительно поднимаясь со своего места. — Приятно было познакомиться.

— Мне тоже.

Он мог удержать ее, оставить у себя. Но есть ли в том смысл? Олеся слишком красива для того, чтобы связать свою жизнь со служивым человеком со скромным жильем и невысокой зарплатой. Был у него печальный опыт, знал он, чего хотят от жизни прелестные вертихвостки. Если замуж, то за богатого, чтобы подороже продать свою красоту... Может, Олеся и не такая, но он боялся обжечься...

Андрей подал ей пальто, помог одеться. И застыл как истукан.

— Может, до вокзала проводишь? — с мягким укором спросила гостя.

— А-а, да! — встрепенулся он.

Он мог надеть шапку, но из солидарности с Олесей оставил ее дома.

Они вышли на лестничную площадку, Андрей нажал на кнопку вызова лифта.

— Ой, у меня, кажется, сыро в сапогах... — жалостливо улыбнулась она. — Пока в тепле была, не замечала... Ладно, ерунда...

— Сейчас ерунда. А завтра — воспаление легких. Пошли обратно...

Дома он заставил Олесю снять сапоги и колготки, набрал в эмалированный таз горячей воды, сыпанул туда горчицы. Вдобавок ко всему закутал ее в плед. Сапоги поставил сушиться на батарею.

— Спасибо тебе, — благодарно улыбнулась девушка. И, опечаленно вздохнув, добавила: — Сергей бы меня в койку потянул обогреть. А это мне сейчас не нужно. Твоя забота больше согревает... Я, кажется, что-то про койку сказала? — спохватившись, сконфуженно спросила она. — Я бы еще не согласилась... Сволочь он. Какая сволочь!.. Я из Москвы, на электричке, как дура, а он здесь и не живет... Обманул...

— Может, ты просто адресом ошиблась? Квартира другая или дом. Может, не восемнадцать дом, а восемьдесят...

— Нет, ошибка у него в голове, — горько усмехнулась Олеся. — Когда его мобильник перестал отвечать, я еще могла на что-то надеяться. Приехала сюда, по адресу, который он мне дал. А тут полный облом... А ведь я из-за него с одним человеком рассталась. Квартира у

него на Бульварном кольце, «Мерседес», свой бизнес... Ну, не молодой, ну, толстый и плешивый. Зато не женатый... Это я о чем? — снова спохватилась она.

— О своей личной жизни.

— Ну да... Что было, то было... Да, в Москву я не просто так приехала, устроиться хотела, почти повезло... А тут Сергей. Любовь-морковь... Любились, пока Паша не застукал... Паша прогнал, Сергея нет. И куда мне теперь? Не домой же возвращаться?..

— А что, дома плохо?

— Скажем так, не фонтан... Ты только не подумай ничего, как-нибудь выкручусь...

Ее улыбку даже с натяжкой нельзя было назвать милой. Злости в ней не было, но думала она о чем-то жестком и меркантильном. Понять ее было нетрудно. Ни жилья, ни гражданства, и Москва слезам не верит...

— Выкрутишься... Учишься где, работаешь?

— Не учусь, не работаю. Паша обещал в институт летом устроить, на платный... Сейчас, наверное, Аньке обещает. Была у него одна на примете, сто пудов, с ней сейчас крутит... Ничего, как-нибудь без него обойдусь...

— Как-нибудь ты у меня переночевать можешь.

Андрей уже почти точно знал, что не ошибся в морально-психологическом облике Олеси. Ее только одно волнует — как покруче устроиться в этой жизни. И ей все равно, с кем жить, с красавцем или уродом, лишь бы квартира была на Бульварном кольце, «Мерседес», бизнес. Главное, чтобы жизнь в красочной упаковке...

— Андрей, ты просто прелесть! — взбодрившись, расцвела Олеся.

— Тебе в ванную надо, — сказал он. — А я пока в магазин схожу.

— Зачем?

— За клюквенной настойкой. Любую хворь на корню вырубает.

— А что, это вариант! — весело улыбнулась девушка.

Олеся распарилась в ванной, с удовольствием влезла в халат Андрея, затем забралась и в его постель. Немного полежала, села, закутавшись в одеяло и подобрав под себя ноги. Он поставил журнальный столик перед диваном, сел рядом с ней, откупорил бутылку.

Клюквенная настойка сначала бросила их в жар. А спустя какое-то время — в объятия друг друга.

Андрей понимал, что для Олеси он — промежуточный вариант: жить с ним она будет до тех пор, пока не найдет богатого жениха или хотя бы любовника. Да и сам он не хотел усложнять с ней отношения. Чтобы не болела потом душа, когда Олеся упорхнет на золотой огонек. Он решил относиться к ней как к небольшому, веселому приключению...

ГЛАВА 3

— Что это такое? Я спрашиваю, что это такое?!

Сначала он тыкал в монитор компьютера пальцем. Затем яростно схватил за волосы свою жену, приложил головой о светящийся экран.

Георгий Карцев вышел из себя и готов был взорваться изнутри от возмущения, в которое ввергли его вывешенные в Интернете фотографии его жены. Сауна, мужики, она среди них. Все пьяные, но все в туниках из простыней, только Катерина совершенно голая. Весело ей. Сидит на лавке в чем мать родила, улыбается, машет рукой в объектив.

— Я еще раз спрашиваю, что это такое?

Он сбил жену с ног, занес над ней кулак.

— Но ведь не было же ничего!.. — обхватив голову

руками, всхлипнула она. — Они отдельно, мы отдельно...

— Кто мы? Кто они?

— Ну мы с Лизкой... А мужчины потом ушли...

— Правильно, после *того* и ушли!

— Не было ничего!

— А что было?

— Корпоративка была, напились, в сауну поехали. У Лизки фотоаппарат был... Я разделась... Дура, сама не знаю, что на меня нашло...

— Ты не дура, ты — шлюха!

— Пьяная была! Гоша, прости!!!

— Точно ничего не было?

— Ну там же Игорь Иванович и Борис Викторович.

Они не могли...

— Они не могли, а ты, значит, могла!

— Я — нет! Точно нет!

— Но ведь разделась...

— Сказали раздеться, я разделась... Пьяная была, ничего не соображала... И Лизка пьяная была. Если бы что-то было, она бы это «что-то» на фото сняла. Ты бы все видел...

— Сука!

— Прости!

— А фотки кто в Сеть вывесил?

— Не знаю.

— Лизка?

— Может быть... Она же меня подсиживает. Улыбается, а у самой камень за пазухой...

Екатерина работала в банке начальником кредитного отдела. Приличная зарплата, соцпакет, бонусы, премии... Но, главное, она содействовала Георгию в оформлении кредитов. У него сеть мебельных салонов, деньги в обороте, иной раз не обойтись без займов на

стороне... Но ничего, он обойдется и без пособников. Тем более что его кредитная история не вызывает сомнений...

— Уже подсидела! Завтра же напишешь заявление об увольнении, ты меня поняла! Дома будешь сидеть!.. На весь город опозорила, сука!

Георгий с трудом удержался, чтобы не пнуть жену. Но не смог отказать себе в глотке виски. Полез в бар, откупорил бутылку «Уокера», припал к горлу и пил, пока спазмы не пережали горло.

— Что мне с тобой делать? — с ненавистью глядя на жену, спросил он.

— Ты же сказал, дома сидеть...

— Дома будешь сидеть, дрянь...

Больше всего он склонялся к мысли выгнать Екатерину из дома. Но рука не поднималась показать ей на дверь. Не мог он без нее, любил стерву... Да и не стерва она вовсе. Нормальная жена, добрая, заботливая. А то, что перебрала на корпоративном банкете, так это с каждым может случиться. Тем более что никаких праздных междусобойчиков в ее жизни больше не будет... А с Лизой нужно разобраться. С Елизаветой Михайловной, мать ее...

Лиза была младше Екатерины лет на пять, но не казалась моложе, чем она. И вовсе не потому, что выглядела плохо. Просто Екатерина могла дать фору любой молодой красотке. Была в ней сочная изюминка, которая позволит ей и в сорок лет быть такой же свежей и элегантной, какой она выглядит сейчас, в свои тридцать два года... Нет, таких женщин не бросают. А их врагов — наказывают...

Да и как он мог ее бросить, если ребенок у них, сыну всего пять лет... Нет, бросать он ее не станет. Но в ситуации разберется...

Карцев не стал строить план мести, он просто направился к Лизе. Баба в разводе, живет одна в квартире, доставшейся от мужа. Однажды он был с Екатериной у нее в гостях — адрес известен...

Лиза была дома. Открыла дверь, но в дом впускать не стала: ее смущала угроза в его взгляде.

— Гоша, что с тобой?

— Во-первых, не Гоша, а Георгий Степанович. А во-вторых, мне надо с тобой поговорить! Ты, наверное, знаешь о чем!

— Понятия не имею... Ну проходи...

Она с опаской посторонилась, пропуская его в дом.

Смотрелась она соблазнительно. Пышные после бигуди каштановые волосы, смазливое личико, короткий шелковый халатик — похоже, белья под ним не было. А поясок развязывался легко... Глядя на нее, Карцев почувствовал, что успокаивается вверху, но распаляется внизу.

— Развратом занимаешься? — возбужденно спросил он.

— Чего?! — не очень сильно возмутилась Лиза.

— Катьку в бане фотографировала?

— Когда?

— Двадцать второго февраля!.. А что, еще и раньше было?

— Я тебя умоляю!.. А двадцать второго да, было. Напоздравлялись до синьки, в сауну потянуло... Но ничего не было... Катька, может, и не против была, но мужики не рискнули...

— Катька не против была? — вскинулся Карцев.

— Ну, мне так показалось... А Игорь с Борькой знают, кто ты. Им проблемы не нужны...

Георгий и сам знал, что кое-что значит в этом мире. Бизнес у него, может, и не очень крупный, но кулаки

внушительных размеров. А если что, и друзей своих позвать может...

— А тебе проблемы нужны? — хищно сощурился Карцев.

— Нет, — робко мотнула головой Лиза.

— А фотографии зачем в Инет вывесила?

— Я?! Фотографии?! Какие фотографии?!

— С Катькой! В бане!

— Не вывешивала я ничего... Может...

— Что — может?

— Ну, я фотографии в печать сдавала. Может, их в пункте печати перехватили, а?

— Кто?

— Ну мастер... Мало ли в городе идиотов. Снимают друг друга, когда сексом занимаются, а потом фотки печатают. И мастера не дремлют, собирают картинки, а потом в Интернет продают, провайдерам там всяким...

— Ты мне мозги не вправляй. Скажи лучше, кому сама эти фотки продала?

— Не продавала я.

— Значит, за так отдала. Чтобы Катьку опозорить... Могу тебя поздравить! Катька увольняется с работы!

— И чему радоваться? Мы без нее как без рук!

Лиза смогла выразить огорчение только на лице, но в глазах угадывалось ликование.

— Кого ты лечишь, змея? Я ж тебя сейчас по стенке размажу!

— Не надо!

Она испуганно закрыла лицо руками. И Карцев тут же воспользовался этим. Дернул за поясок, и узелок на нем с легкостью развязался, полы халата сползли в сторону, обнажая тонкую бороздочку интимной стрижки...

— Или по кровати...

— Лучше по кровати, — кивнула она, скидывая с